

Он действительно не знал, как этот мужчина, чье досье, возможно, было таким толстым, что могло убить, вышел из тюрьмы. Неужели снова сделка с властью, деньгами и сексом? Его скудному уму было просто невозможно представить, сколько там было скрытых махинаций. Но он был очень рад, что тот вернулся и снова оказался в его власти.

На восьмом месяце Шэнь Цин, наконец, с большой неохотой прошел полное обследование. Неизвестно, был ли тот медиум, предсказавший по благовониям, странным или действительно провидцем, но оказалось — близнецы, два мальчика.

Узнав результат, Лу Тяньмин молчал целый час, курил на балконе. Глядя на его печальную спину, Шэнь Цин чувствовал и смех, и легкую вину.

Лу Тяньмин ради него был готов отдать жизнь. Лу Тяньмин так сильно хотел девочку, а он не смог дать. Четверо сыновей — это, и правда, немного многовато. Отсюда можно понять: небеса видят, что творит человек, и тому, кто делает много плохого, небеса не подарят теплую заботливую дочку.

— Нет девочки, давай не будем грустить, хорошо? — вечером он успокаивал Лу Тяньмина, гладил его. Лу Тяньмин прижался к его плечу, а он поглаживал его по голове. — Нельзя быть таким консервативным, мальчики и девочки одинаковы. Если хорошо воспитать мальчика, он тоже будет внимательным.

Лу Тяньмин тоскливо вздохнул, помолчал. Шэнь Цин впервые увидел в глазах этого мужчину такую печаль. Насколько же глубоким должен быть этот комплекс лоликонства.

Но для Шэнь Цина это все еще было большой проблемой. Хотя в прошлый раз, когда он рожал, после анестезии он ничего не чувствовал, но первый этап — это долгая, долгая боль, от пола до кровати и обратно на пол. В душе он очень боялся.

И эти два малыша вели себя намного активнее, чем предыдущие, постоянно не давая ему спать по ночам. Каждый раз, когда он не мог заснуть, ему хотелось придушить Лу Тяньмина.

Время дома текло все медленнее. После того странного инцидента на острове Шэнь Цин считал нынешнюю мирную жизнь просто прекрасной и безмятежной.

— Тот остров такой странный, на нем много духов, — укутавшись в одеяло, он разговаривал с Лу Тяньмином.

— ...Остров и правда странный, но откуда там духи? Опять несешь феодальный бред, — насмеялся Лу Тяньмин.

Шэнь Цин опешил. Неужели этот тип действительно ничего не видел? Значит, в глазах окружающих он все время разговаривал с воздухом? Лу Тяньмин был так уверен, просто воплощение марксистского материализма на земле. Пропавшее дело, от такого он и сам начал сомневаться в своей нормальности, думал, что лечение бросать нельзя, нужно продолжать.

— Эركان! Иди сюда! Иди!!!

Во второй половине дня, на следующий день после возвращения, когда Шэнь Цину стало скучно, он уселся в гостиной и позвал играть большую черную собаку, которую когда-то подобрал. Та собака уже отъелась, шерсть лоснилась, она поправилась раза в три, стала похожа на черную пантеру, очень внушительная.

— ...Какой еще Эркэн.

— Ты сам не дал собаке имя, вот мне и пришлось придумать. Имя благозвучное, очень хорошее.

Лу Тяньмин не осмелился спорить с Шэнь Цинем, чьи эмоции сейчас скакали, как на американских горках. Он помолчал, решив, что кличка собаки — не такое уж важное дело.

Шэнь Цин листал книгу по воспитанию детей, на которой наставил много горизонтальных и вертикальных черточек, обвел много красных кружков.

— Творожная булочка! Творожная булочка, не убегай!!! — Лу Хунжуй пробежал через гостиную, гонясь за корги, у которого тряслась задница.

Лу Тяньмин подумал, что клички обеих собак в доме странные, но благоразумно промолчал. Мистер Лу, обладающий всей полнотой власти вовне, в семейных вопросах, таких как имена для собак, не имел ни малейшего права голоса, заодно не имел и права голосовать, даже права протеста у него не было.

— Глава семьи, быстро налей мне стакан молока, пить хочу, — прикрикнул на него Шэнь Цин.
— Сидишь тут полдня, только газету читаешь?! Совсем не жалеешь меня.

— Какой я глава семьи? У меня дома нет никакого положения, — Лу Тяньмин с невозмутимым видом подал ему молоко.

— Вне дома ты самый главный! Лидер, да, могущественный, председатель консорциума, крутой, да? А дома должен слушаться меня. Подвинься! Ты сидишь там и мешаешь Эркану спать, садись рядом.

— ...М-м, дома самый высокий статус у моей супруги.

— Так и должно быть, — Шэнь Цин задрал нос. — Ты знаешь, как мне тяжело носить малышей?

— Кроме моей супруги, затем статус повыше у моего сына.

— Это точно, ты же взрослый мужчина, будешь соперничать с сыном?

— А я сейчас даже на диване сидеть должен, учитывая собак в доме.

— Цени животных, если нет такой любви к животным — вон отсюда!

— ...Итак, иерархия в нашей семье такая: моя супруга, мой сын, наши собаки, и только потом я.

Авторские заметки:

— Какой же ты бедный, давай обниму.

Шэнь Цин, раздраженный и позабавленный, поманил к себе Лу Тяньмина и с удовольствием прильнул к нему.

— Вчера Сяо Жуй снова рисовал, очень красиво получилось, — с гордостью показал Лу Тяньмину альбом для рисования Лу Хунжуя.

— Днем делать нечего, давай прогуляемся, — листая альбом, предложил Лу Тяньмин.

— Хорошо, — Шэнь Цин поспешно нашел большое пальто, тщательно укутался, в основном чтобы скрыть живот, иначе и самому было бы неловко.

Он взял с собой Лу Хунжуя и вышел из дома. В центральном городском сквере открылась кондитерская. Лу Тяньмин вошел туда вместе со взрослым и ребенком, с мрачным лицом заказав в меню только лимонад, позволив Шэнь Цину и сыну заказывать что угодно.

— Могу я выйти покурить? — спросил он разрешения у своей супруги.

— Тогда возвращайся поскорее, — Шэнь Цин был занят, разрезая блинчики для малыша, выкладывая мороженое, и ему было не до него.

— Этот мужчина такой красивый, такой высокий.

Раскладывая блинчики по тарелке для Лу Хунжуя, он услышал, как две девчушки позади перешептываются, глядя на Лу Тяньмина, стоящего с сигаретой у входа в заведение. Неужели он и правда такой красивый? Кроме высокого роста, в нем нет ничего особенного.

— О, это ты? — раздался голос.

Шэнь Цин удивленно поднял голову. Квадратнолицый мужчина улыбнулся ему. Форма его лица была бесконечно близка к квадрату, талия — к бочке, опухшее лицо словно наполнено водой. Шэнь Цин подумал, что такую своеобразную внешность он не забудет до конца жизни. Это был тот самый мелкий руководитель из иностранной компании, который ухаживал за ним на каком-то мероприятии, когда он только подписал контракт с «Голубой утренней звездой», и тогда он очень важничал.

— Майк, здравствуй, тоже пришел поесть? — У него не было желания комментировать это затасканное английское имя, он равнодушно бросил фразу. К счастью, пальто было просторным, и изменения в его фигуре не были видны.

— Я слышал, ты неплохо устроился, — тот толстяк с чувством собственного достоинства уселся напротив них. Лу Хунжуй отодвинулся внутрь, его маленькие брови дернулись, уголки губ скривились, будто он увидел что-то грязное. Шэнь Цин подумал, что это просто нечто: это выражение брезгливости было точь-в-точь как у Лу Тяньмина.

— Я просто работаю как придется, — Шэнь Цин действительно не хотел смотреть в это лицо, похожее на залитую водой свинину, он даже мороженое есть не мог.

— ...Несколько лет назад мы ведь встречались, тогда с тобой был тот мужчина, я потом видел в новостях — председатель международного консорциума «Хуадин»? Ты и правда связался с такой важной персоной? Да ты молодец.

Шэнь Цина охватило отвращение. Его бесили такие расчетливые, мещанские типы, которые пытались с ним сблизиться. Он не стал поддерживать разговор:

— Просто вот так и сошлись.

— Сошлись? Только не радуйся слишком рано. Такие богачи поиграют и бросят, таких полно. Все хотят заработать, все хотят выйти замуж за богача, но сколько удается? Советую тебе, лучше... — Мужчина странно усмехнулся.

— Что ты говоришь? Тебе здесь не место говорить! Мой папа собирается жениться на отце! Ты

кто такой, чтобы разговаривать с отцом?

Шэнь Цин как раз собрался ответить, но Лу Хунжуй сначала вышел из себя. Шестилетний ребенок отложил вилку, с выражением полного презрения, от которого чуть ли не сочилась брезгливость.

— Какой вспыльчивый ребенок! — Мужчина опешил, смущенно сказал:

— Дети из богатых семей такие избалованные! Это молодой господин из «Хуадин Интернэшнл»? Говорю тебе, когда взрослые разговаривают, детям не надо вмешиваться.

— ...Это ты сам ведешь себя неподобающе? Сразу начал разглагольствовать, ты кто такой? — Шэнь Цин действительно не выносил таких мужчин с ханжескими лицами, осуждающими людей. Завидуют богатым?

<http://bllate.org/book/15584/1392866>